

в доме, принадлежавшем Эанне, ежегодно платил девять сиклей серебра за аренду (№ 173). В другом тексте (№ 75), составленном в 539 г. в присутствии высших чиновников администрации Эанны, устанавливается ежегодный оброк с семи поименно названных храмовых птицеловов, которые обязаны были доставлять 90 гусей, 840 диких голубей и 5000 каких-то других птиц (тапгаи, значение точно не известно). Эти птицы использовались для жертвоприношений богам, а «остатки» их съедались жрецами и теми членами храмового персонала, которые имели право входа во внутренние покои святилища.

Как известно, в Вавилонии I тыс. до н.э. еще продолжала действовать та из статей Законов Хаммурапи, которая требовала тридцатикратного возмещения похищенного храмового имущества. № 35 устанавливает такую уплату с одного жителя Урука, если будет доказано, что он присвоил ячмень, который принадлежал Эанне.

Один из текстов свидетельствует о распределении участков земли для храмовых рабов. Эти участки были расположены на территории самого города Урука, и их измерением занимался царский уполномоченный в храме. Среди получателей упомянут и один кожевник (№ 169). Не всем хватало земли, и многие документы фиксируют выдачу рацийонов храмовым рабам. № 172 содержит список земледельцев Эанны, в котором перечислены 54 человека, большей частью родственники. Они обслуживали десять плужных упряжей и были подчинены одному лицу. № 162 принадлежит служебной переписке двух высокопоставленных храмовых чиновников. В частности, в письме говорится о необходимости выдать деньги людям, занятым на земляных работах. Речь идет об очень большой сумме (шесть мин, т.е. 3 кг) серебра, которую предстояло израсходовать для оплаты продовольствия. В частности, в письме упоминаются 80 железных орудий для работы и, кроме того, отмечается, что сто человек еще не прибыли. Судя по сумме денег, которую предстояло израсходовать, общее число работников, вероятно, составляло несколько сот человек. Очевидно, это были наемники из сословия свободных, нанятые по контракту.

Стремясь дать читателю представление о документах, ставших теперь доступными, рецензент не стал заострять внимание на мелких разногласиях между ним и издателем в интерпретации тех или иных текстов. Но отметим расхождение в восстановлении лакуны в № 19. Речь идет о документе из Нишпура, датированном 28-м годом Дария (494 г.), «царем [xx] и стран». Д. Вейсберг склонен восстановить в разрушенном месте «царем Элама (?)». Как известно, официальный титул ранних ахеменидских правителей в Месопотамии был «царь Вавилона, царь стран», и, нам представляется, два разрушенных в этом документе знака следует восстановить как Е.К.И, что является одним из логографических написаний для обозначения Вавилона. В Эламе, насколько нам известно, в ахеменидских датировочных формулах из Месопотамии не засвидетельствован титул «царь Элама, царь стран».

Отметим в заключение, что ассириологи будут благодарны Д. Вейсбергу за введение в науку большого количества ранее не известных вавилонских текстов, часть которых содержит уникальный документальный материал, а остальные дополняют наши знания об экономике и социальной структуре Вавилонии I тыс. до н.э.

М.А. Дандамаев

© 2006 г.

BORIS A. LITVINSKIJ, TAMARA I. ZEIMAL'. The Buddhist Monastery of Ajina Tepa, Tajikistan. History and Art of Buddhism in Central Asia // ISIAO-Rome, 2004. 196 p., XII color plates.

Борис Анатольевич Литвинский и Тамара Ивановна Зеймаль хорошо известны в научном мире как выдающиеся исследователи Средней Азии. В 1971 г. в издательстве «Искусство» они выпустили книгу «Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура», которая поражала не только уникальным материалом, но и энциклопедическим подходом авторов к изучению истории буддизма в Средней Азии. Знаю, что для многих среднеазиатских археологов данная книга была своеобразным пособием по истории религий домусульманской Средней Азии, с успехом заменявшая, как правило, недоступные библиотеки.

Напомню, что Южнотаджикстанский археологический отряд под руководством Б.А. Литвинского начал раскопки Аджина-тепа в 1960 г., и в монографию 1971 г. вошли материалы работ экс-

педиции до 1967 г. Между тем изучение памятника было продолжено, и раскопки на нем были завершены лишь в 1975 г. Отдельные материалы, полученные в 1967–1975 годах, уже были опубликованы соавторами в ряде статей. Так, полный план Аджина-тепа был напечатан в их совместной статье «Некоторые аспекты иерархии и семантики ступа в Средней Азии и Индии»¹. Однако, очевидно, что полностью раскопанный объект такого класса, как Аджина-тепа, явление не столь частое в археологии Средней Азии. Для введения в научный оборот всего полученного на Аджина-тепа материала необходима была большая итоговая монография. Как мне известно, рукопись новой книги была готова к публикации уже более десяти лет тому назад. К сожалению, ни одно отечественное издательство не смогло взять на себя расходы по ее изданию. Это оказалось под силу только нашим итальянским коллегам. После долгих лет подготовки Итальянский институт Африки и Востока, наконец, опубликовал рецензируемую нами монографию Б.А. Литвинского и Т.И. Зеймаль, которая включает не только публикацию нового материала по Аджина-тепа, но и значительно расширенную аналитическую часть, посвященную истории буддизма в Средней Азии.

Буддизм как религиозное учение и как культурный феномен сыграл важную роль в истории Средней Азии. Богатая письменная традиция учения; детально регламентированная монастырская организация, составной частью которой было хорошо поставленное обучение; культовая архитектура с установленными типами сооружений и своеобразным институтом архитекторов; разнообразная пропаганда; яркое конфессиональное искусство с канонической иконографией – все это делало буддизм мощным фактором, оказавшим влияния на различные стороны жизни народов, населяющих Среднюю Азию на протяжении всего I тыс. н.э.

Одна из особенностей изучения истории буддизма в Средней Азии состоит в том, что основными источниками по данной проблеме являются памятники археологии. Уже во время первых археологических экспедиций в Среднюю Азию здесь были выявлены буддийские памятники. Так, А.С. Стрелков – участник Термезской экспедиции Государственного музея Востока, проводивший изучение городища Старый Термез в 1926–1928 гг., – интерпретировал несколько холмов как остатки буддийских сооружений («башня Зурмала», пещеры на холме Кара-тепе). Кроме того, на городище им была собрана коллекция фрагментов каменной буддийской скульптуры². На сегодняшний день в результате археологических работ и случайных находок на территории Средней Азии³ открыто около 30 объектов, которые в научной литературе принято относить к буддизму⁴. Выявленные памятники представляют различные категории буддийских сооружений (ступы, монастыри, храмы) и датируются в широком хронологическом диапазоне I–X вв. н.э.

Существует обширная литература по различным вопросам среднеазиатского буддизма. Она включает как публикации отдельных вещей или памятников, так и обобщающие работы, посвященные определенным категориям буддийских памятников и процессу проникновения буддизма в Среднюю Азию⁵. Несмотря на проблемы с финансированием раскопок, изучение буддийских памятников Средней Азии продолжается⁶; выявляются случайные находки, связанные с буддизмом; выходят новые публикации. Значительно увеличивающийся объем материала по истории буддизма в Средней Азии позволяет не только продвинуться в решении спорных вопросов, но и ставить новые. Многолетние исследования показали, что наибольшая концентрация буддийских памятников в Средней Азии приходится на Бактрию–Гохаристан – историко-культурный регион, который в настоящее время занимает территорию юга Узбекистана, большей части Таджикистана и севера Афганистана. Рецензируемая книга посвящена раскопкам ключевого памятника ранне-средневекового буддизма в этом регионе – монастырю Аджина-тепа, который расположен недалеко от современного города Курган-Тюбе в Таджикистане.

¹ См. Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 164–186.

² Стрелков А.С. Зурмала или Катта-тюбе около Термеза // Культура Востока. Сборник музея Восточных культур. Вып. 1. М., 1927. С. 27–30; *он же*. Доисламские памятники древнего Термеза // Культура Востока. Вып. 2. М., 1928. С. 41–47.

³ Следует уточнить, что, как правило, речь идет о территории бывших советских республик Средней Азии – Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркмении, отчасти Казахстана.

⁴ Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии). М., 1998. С. 13–22. Рис. 1.

⁵ Назовем только основные работы последних лет: Ставиский. Судьбы буддизма...; *Rhie M. Early Buddhist Art in China and Central Asia. Handbuch der Orientalistik. Leiden–Boston–Köln, 1999; Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М., 2002.*

⁶ Пидаев Ш.Р., Като К. Археологические работы на Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане – 2003 год. Вып. 4. Ташкент, 2004. С. 147–158.

Книгу открывают два предисловия: одно написано президентом Республики Таджикистан Э. Рахмоновым, второе – президентом Итальянского института Африки и Востока Г. Ньюли.

В своем предисловии Э. Рахмонов отмечает, что Таджикистан гордится своей богатейшей древней историей и что в ее изучении трудно переоценить роль Бориса Анатольевича Литвинского, которого он по праву называет «основателем археологии Таджикистана». Президент высоко оценивает совместный труд Б.А. Литвинского и его ученицы и коллеги Т.М. Зеймаль. Он также подчеркивает необходимость сохранения всего культурного наследия Таджикистана вне зависимости от его религиозной принадлежности (с. 7–8).

В предисловии Г. Ньюли говорится, что идея публикации этой книги принадлежала выдающемуся исследователю буддийского искусства проф. М. Таддеи (1936–2000). Он предложил Б.А. Литвинскому, который является членом-корреспондентом Итальянского института, совместно с Т.И. Зеймаль подготовить итоговую монографию по результатам раскопок Аджина-тепа и издать ее на английском языке, что значительно расширило бы круг ее читателей. Большая редакционная работа была выполнена П. Калльери при участии Ч. Ло Муцио и Э. Валенто.

Рецензируемая монография состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений и альбома цветных иллюстраций.

Во Введении (Б.А. Литвинский и Т.И. Зеймаль) дается краткий географический очерк Вахшской долины, где расположен памятник Аджина-тепа, а также подробно приводится история археологического изучения данного района Тохаристана.

Первая глава «Аджина-тепа. Раскопки и хронология» (Т.И. Зеймаль) содержит описание памятника, его планировки и архитектуры, предлагается общая датировка и периодизация его существования. До начала раскопок памятник представлял прямоугольную возвышенность размером 50 × 100 м, который состоял из двух холмов квадратной планировки – юго-восточного с понижением в центре, северо-западного с повышением в центре. В результате работ памятник был вскрыт полностью, что показало наличие двух самостоятельных частей: монастырской, ядром которой являлся квадратный двор (юго-восточная часть), и храмовой, во дворе которой располагалась монументальная ступа (северо-западная часть). Обе части связывались между собой проходным помещением. Сооружение было возведено из пахсовых блоков и прямоугольных сырцовых кирпичей, характерных для раннесредневекового среднеазиатского строительства.

Судя по многочисленным монетным находкам, удалось установить, что монастырь был построен примерно в середине VII в. и окончательно покинут в середине VIII в. На основании стратиграфии исследователи выделили следующие периоды существования памятника: а) период сооружения; б) I период (когда сооружение функционировало как буддийский монастырь); 3) период запустения; 4) II период (вторичное обживание; в это время сооружение уже не было буддийским монастырем и частично эксплуатировались лишь разрушающиеся помещения) (с. 20).

Очевидно, что в I период (функционалирование в качестве буддийского монастыря) памятник обживался довольно интенсивно. В разных частях сооружения зафиксированы следы ремонтных работ (обмазки ганчем, покраска, закладка проходов и пр.), однако синхронизировать их между собой не представляется возможным.

Культурная специфика памятника определила незначительный объем находок, которые в основном концентрировались в монастырской части сооружения. Это касается и самого массового археологического материала среднеазиатских памятников – керамики.

Керамический комплекс I периода представлен в основном чирагами (светильниками) и небольшим количеством столовой посуды хорошего качества (фрагментами тонкостенных чаш с красным ангобами кувшинов с яйцевидным туловом). Керамика, соответствующая II периоду, состоит из фрагментов толстостенных горшков, крышек, жаровен, крупных чаш (с. 28). К сожалению, в данное издание не вошли таблицы керамики, а также стекла, которые содержались в первой публикации⁷. Мне кажется, что было бы уместно и в этом издании показать керамический материал памятника, датировка которого считается эталонной, тем более, что именно на основе керамики, как правило, датируются изучаемые в Средней Азии археологические объекты.

Глава вторая «Архитектурная композиция. Оформление. Конструктивные методы» (Б.А. Литвинский) посвящена анализу архитектуры памятника и некоторых находок.

Планировка Аджина-тепа состоит из двух частей, каждая из которых строится вокруг центрального двора с четырьмя айванами, расположенными на центральных осях. Геометрическая точность каждой из частей планировки сочетается с их зеркальной симметрией и конгруэнтной симметрией внутри планировки каждой части. Соответственно монументальная ступа в центре

⁷ Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971. С. 24–25.

храмовой части представляет собой ось, вокруг которой может бесконечно осуществляться обряд обхода ступы – *прадакхиана* (с. 45–46).

Не меньшую роль в планировке Аджина-тепа играют малые ступы, зафиксированные в нескольких помещениях храмовой части. Они также отмечают различные оси симметрии внутри отдельных участков сооружения (с. 46). Наряду с монументальными ступами разных масштабов на Аджина-тепа были найдены миниатюрные штампованные глиняные ступы. Со свойственным ему энциклопедическим охватом Б.А. Литвинский подробно рассматривает аналогию этим ступам и их символику в буддийском учении (с. 46–52). Кроме того, в главе содержится экскурс о генезисе и развитии четырехаяванной дворовой планировки, которая появляется на Аджина-тепа и становится необычайно популярной в средневековой мусульманской архитектуре. Б.А. Литвинский полагает, что процесс формирования четырехаяванной дворовой композиции в планировке Аджина-тепа отражает совмещение двух традиций: индийской, где издавна существовали ограды вокруг ступы с четырьмя воротами (*торана*), и среднеазиатской, где айван как зал-пронаос являлся распространенной частью культовой архитектуры (с. 68).

Анализируя функциональное назначение памятника с канонической терминологией культовых сооружений, Б.А. Литвинский приходит к выводу, что Аджина-тепа представляет типичный буддийский монастырь, в котором существовало обязательное сочетание двух частей – храмовой (двор со ступой) и монастырской (*вихара*) (с. 70). Отдельные конструктивные детали, материалы строительства ясно указывают, что Аджина-тепа был построен местными строителями, которые действовали по каноническим правилам буддийской архитектуры, выработанными в Индии. Точное следование канонам буддийской архитектуры вдали от мест ее формирования не представляется невероятным. Как отмечает Б.А. Литвинский, в письменных источниках говорится и о существовании специальных людей в сангхе, призванных осуществлять контроль над строительством культовых объектов, и о моделях буддийских культовых сооружений, которые служили образцом при возведении памятников и могли перевозиться на огромные расстояния – от Индии до Китая (с. 72).

В третьей главе «Живопись и скульптура» (Б.А. Литвинский, Т.И. Зеймаль) подробно рассматривается художественное оформление Аджина-тепа. Глава включает два раздела, в которых анализируются разные виды искусства.

Первый раздел посвящен настенной живописи. Авторы приводят описание найденных живописных фрагментов по помещениям, которые они украшали. В некоторых местах живопись сохранилась на стенах *in situ*, но в большинстве случаев извлечена из завалов. Суммируя полученные данные, авторы реконструируют технико-технологические особенности настенной живописи Аджина-тепа и сравнивают их как с синхронными произведениями буддийской живописи (Кала-и Кафирнига), так и с более ранними образцами (Халчаян, Фаяз-тепе, Дильберджин). Среди приведенного сравнительного материала, большой интерес представляют наблюдения Б.А. Литвинского о технологии живописи Какрака, сделанные им во время работы в Кабульском музее (с. 86). Например, он отметил, что одной из особенностей живописи Аджина-тепа было полное отсутствие попыток передачи объема при помощи светотени (с. 87).

Рассмотрев все уцелевшие росписи, авторы пришли к выводу, что в живописном оформлении принимали участие несколько художников, придерживающихся одних методов письма, но сохраняющих свою индивидуальность (с. 87). Несмотря на фрагментарность живописных изображений, Б.А. Литвинскому и Т.Е. Зеймаль удалось интерпретировать несколько сцен. В частности, фрагмент, на котором запечатлены ряды сидящих Будд, украшавший свод коридора. По мнению авторов, это изображение воспроизводит эпизод появления в небе тысячи Будд во время чтения Лотосовой сутры, что в целом отражает и распространенное тождество свода и неба (с. 87–88).

Наряду с сюжетной живописью в оформлении Аджина-тепа присутствует и орнаментальная живопись, для которой авторы выделяют две группы. В первую группу входят виды орнамента, в основе которого было ритмичное повторение определенного изображения. Он мог быть и геометрическим, и растительным, и комбинировать эти два вида. Как правило, такой орнамент служил для росписи больших площадей и отбивки бордюров. Вторая группа представляет изобразительный орнамент, входивший в сюжетную картину в виде фона или декоративных элементов. Он покрывал значительно меньшие площади (с. 91–92). На мой взгляд, к подробному описанию орнаментов Аджина-тепа не достает таблицы, в которой они все были бы наглядно представлены.

Единственным случаем, когда в качестве раппорта использовались изобразительные элементы, является орнамент на подушке в изголовье Будды, составленный из фазанов. Хотелось бы обратить внимание, что мотив «фазаны в перлах» украшают подушку в изголовье Будды в сцене

нирваны в настенной живописи пещеры № 158 в Дуньхуане, датирующейся серединой правления династии Тан⁸.

Авторы обратили внимание на одну важную для понимания специфики буддийской общины монастыря Аджина-тепа деталь настенной живописи. Речь идет о том, что с момента строительства, когда было выполнено живописное оформление памятника, несмотря на многочисленные ремонты, повторные живописные работы, связанные с изобразительностью, отмечены только в помещении I (святнице). При этом они характеризуются более низким уровнем профессионального исполнения (с. 84). Таким образом, очевидно, что на определенном этапе существования монастыря (когда потребовалось провести очередной ремонт) община не смогла найти средства для привлечения художников, которые профессионально выполнили бы подновление живописи.

Второй раздел главы посвящен скульптуре. Как и с настенной живописью, описание скульптурных фрагментов дается по помещениям, где они были зафиксированы.

Авторы уделяют большое внимание технико-технологическим характеристикам аджинатепинской скульптуры. Основным для последней материалом служила глина. Традиция глино-ганчевой скульптуры Средней Азии в общих чертах сформировалась в греко-бактрийское время и сохранилась вплоть до арабского времени. При этом с кушанского времени можно говорить о том, что глино-ганчевая скульптура стала обязательным элементом оформления буддийских памятников Средней Азии, а буддийское искусство являлось основным хранителем ее технологических приемов.

Обычно при изготовлении скульптуры применялся каркас (дерево, камыш и пр.), на котором крепилась глиняная основа. На основе путем наложения большого количества тонких слоев глина создавался объем. Верхний лицевой слой, как правило, делался из скульптурной глины: на Аджина-тепа это была желто-коричневая или зеленая глина, в ряде случаев – тонкий слой ганча. Моделировка монументальной аджинатепинской скульптуры производилась вручную. Анализ скульптуры с Аджина-тепа, размеры которой не превышают натуральной величины, дает основание говорить об использовании матриц для изготовления лицевых частей с последующей подправкой. Кроме этого, путем штамповки формовались мелкие детали – завитки волос, розетки, лепестки лотоса и т.п. Плохая сохранность найденных фрагментов не позволяет авторам решить вопрос о методах крепления различных частей скульптуры друг с другом. Наиболее примечательной технологической особенностью аджинатепинской скульптуры является отсутствие каркаса (с. 126–129).

Как уже отмечалось, за время существования памятника как буддийского монастыря неоднократно проводились ремонтные работы, которые включали и поновление скульптуры. Очень показательным этот процесс был отслежен авторами на монументальной скульптуре Будды в нирване (с. 128).

Б.А. Литвинский и Т.И. Зеймаль подробно рассмотрели репертуар и иконографию образов скульптуры, украшавших буддийский монастырь. Анализируя иконографию аджинатепинской скульптуры, авторы выделяют два фактора, оказавших воздействие на ее формирование. Во-первых, влияние гандхарской скульптуры, причем в глиняной скульптуре Аджина-тепа в наибольшей степени прослеживается традиция каменной гандхарской скульптуры. И во-вторых, влияние скульптуры эпохи Гуптов, которое отразилось в драпировках и одеянии аджинатепинских Будд и бодхисаттв (с. 131–132). Реконструкция иконографической программы монастыря показывает, что центральное место в ней занимал образ Будды. Среди найденных фрагментов по своим размерам выделяются две колоссальные скульптуры: сидящая фигура Будды, высота которой, согласно реконструкции авторов, была около 4 м (помещение 1, так называемое «святница»), и Будда в нирване, достигающий 12 м (коридор 23) (с. 130–136).

По наблюдениям исследователей, уже в конце IV – начале V в. в скульптуре намечается тенденция к значительному увеличению размеров Будды по сравнению с окружающими персонажами. По существу эта тенденция отражает формирование одной из концепций Махаяны – «космического тела Будды» (*локоттара*), которая в полной мере проявилась в гигантских скульптурах Будды, хорошо известных на ряде буддийских памятников от Афганистана до Северного Китая (с. 135–136). Наряду с образом Будды в репертуар аджинатепинской скульптуры входили образы бодхисаттв, деватов, светских персонажей и демонических существ.

⁸ Duan Weinjie. *Dunhuang Art*. New Delhi, 1994. III. 40. Очевидно, что мотив «медальонов в перлах» был заимствован Китаем из иранского мира (см. *Лубо-Лесниченко Е.И.* «Сасанидские» перлы в Китае // *Прошлое Средней Азии*. Душанбе, 1987. С. 83–94). Однако не исключено, что в данном случае мы имеем уже пример обратного влияния – китайские детали иконографии в сцене нирваны («иранская» подушка под головой Учителя) входят в оформление монастыря в Тохаристане.

Подводя итог анализу памятников искусства, найденных на Аджина-тепа, авторы отмечают высокий профессиональный уровень исполнения мастеров, украшавших этот буддийский монастырь в Тохаристане, а также широкие связи, соединяющие их с художественными традициями и Восточного Туркестана (памятники Турфана), и Южного Афганистана (Тапа Сардар в Газни).

Глава четвертая «Аджина-тепа и история буддизма в Средней Азии» (Б.А. Литвинский) представляет собой наиболее полный свод данных как об основных археологических буддийских памятниках Средней Азии, так и письменных источников, касающихся среднеазиатского буддизма. Надо отметить, что автор данной главы ранее очень много сделал в этом направлении⁹.

Очерк истории буддизма в Средней Азии начинается с ряда вопросов, связанных с датировкой начала распространения буддийского учения и особенностями этого процесса. Исследователи этой проблематики единодушны в том, что первым среднеазиатским регионом, куда проник буддизм, была Бактрия. Исключая крайние мнения, согласно которым буддийские миссионеры могли достичь Бактрии еще во времена Ашоки¹⁰, Б.А. Литвинский приводит ряд свидетельств о присутствии буддизма в Восточном Иране уже в первые века до нашей эры (с. 144–145). Стоит напомнить, что самые ранние материальные свидетельства существования буддийского учения в Бактрии, которыми мы пока располагаем, относятся к I в.н.э.¹¹ Буддийская традиция считает приверженцем учения самого известного кушанского правителя Канишку. Между тем в рабатакской надписи среди богов, которым поклонялись кушанские цари, Будда не упомянут¹². Б.А. Литвинский предлагает не отвергать категорически принадлежность Канишки буддизму, резонно аргументируя это тем, что его обращение могло произойти уже после создания рабатакской надписи (с. 147).

Пытаясь объяснить причину распространения буддизма в Средней Азии в первые века нашей эры, Б.А. Литвинский подвергает сомнению тезис о том, что местное население обращалось к учению побуждали привлекательные лозунги о социальном равенстве буддийской общины. Совершенно справедливо Б.А. Литвинский указывает на специфику буддийской пропаганды этого времени, которая была в основном направлена на правящие круги. Следствием этого являлась поддержка буддийской общины со стороны местной элиты, что обеспечивало процветание буддизма в регионе в кушанское время (с. 161–162). Это положение хорошо иллюстрируют данные эпиграфики, полученные на одном из буддийских памятников региона – Кара-тепе. Среди донаторов перечислены правитель, сын правителя, казначей, военачальник (?), должностное лицо¹³.

Еще один вопрос, который имеет принципиальное значение при изучении особенностей буддизма в Бактрии–Тохаристане: представители каких этносов входили в состав монашеской общины? Не останавливаясь на этой теме подробно, Б.А. Литвинский тем не менее приводит данные источников, где говорится о значительной роли местных жителей в распространении и разработке буддийского учения в регионе (с. 147).

Письменные источники и данные эпиграфики свидетельствуют, что в кушанское время в Бактрии–Тохаристане получили распространение несколько буддийских школ – Вайбхашика (Vaibhasika), Махасангхика (Mahasanghika), Самматия (Sammatiya), Сарваствивада (Sarvastivada) и Дхармагуптака (Dharmaguptaka) (с. 148). Несмотря на принадлежность перечисленных школ к Хинаяне, они разрабатывали ряд концепций, которые получили дальнейшее развитие в Махаяне, в частности культ бодхисаттв, поклонение ступам и пр. Помимо того, что данные о буддийских школах демонстрируют связи Бактрии с другими частями буддийского мира, сопоставление археологичес-

⁹ По существу, Б.А. Литвинский стал первым, кто собрал и сопоставил письменные источники по истории буддизма Средней Азии с археологическими данными этого региона; см. *Litvinsky B.A. Outline History of Buddhism in Central Asia*. Moscow, 1968; *Литвинский Б.А. Распространение буддизма в Средней Азии // Центральная Азия в кушанскую эпоху*. Т. II. М., 1975. С. 191–199; *он же*. Индийский фактор в цивилизации Центральной Азии // *Азия – диалог цивилизаций*. СПб., 1996. С. 154–193; *он же*. Буддизм и буддийская культура Центральной Азии (древность) // *Московское востоковедение*. М., 1997. С. 55–77; *Litvinsky B.A. Die Geschichte des Buddhismus in Ostturkistan*. Wiesbaden, 1997. Подробный перечень работ автора по буддизму и буддийской культуре см. *Лейва Д.С., Мейтарчян М.Б. Библиография печатных работ Б.А. Литвинского // Древние цивилизации Евразии. История и культура*. М., 2001. С. 8–44.

¹⁰ *Bagchi Pr.Ch. India and Central Asia*. Calcutta, 1955. P. 32.

¹¹ Речь идет о находках монет «сотер мегаса» на ранних полах ряда буддийских сооружений Бактрии; см. *Мкртычев Т.К.* Еще раз об особенностях буддизма в Бактрии // *Transoxiana*. Ташкент, 2004. С. 292.

¹² *Sims-Williams N., Cribb J.* New Bactrian Inscription // *Silk Road Art and Archaeology*. 1995/96. 4. P. 107–109.

¹³ *Вертоградова В.В.* Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе: Проблемы дешифровки и интерпретации. М., 1995. С. 44–48.

кого материала с теоретическими буддийскими концепциями позволяет лучше понять специфику устройства и оформления буддийских памятников региона.

Реконструируя историю буддизма в Средней Азии, автор приводит краткий обзор основных буддийских памятников и их характеристики. Применительно к этой части работы мне хотелось бы сделать несколько уточнений.

На протяжении многих лет мне довелось участвовать в работах Совместной археологической экспедиции учреждений культуры СССР на Кара-тепе. Последний год работы велась осенью 1994 г.¹⁴, после чего российская сторона более не участвовала в изучении этого памятника. В дальнейшем раскопки осуществлялись и продолжают осуществляться совместной узбекско-японской экспедицией (руководители Ш.Р. Пиддаев и К. Като)¹⁵. Что касается датировки Кара-тепе, то на сегодняшний день мы располагаем данными, согласно которым строительство первых сооружений относится ко второй половине – концу I в. н.э. Расцвет Кара-тепе, который, несомненно, был крупным буддийским центром в Северной Бактрии, приходится на кушанское время II–III вв. Несмотря на то что позднее большинство сооружений на Кара-тепе забрасывается и размеры центра значительно сокращаются, отдельные сооружения продолжают выполнять роль буддийских культовых объектов еще и в IV–VI вв.¹⁶ Однако для VII в.¹⁷ имеется единственная посетительская надпись индийца-паломника на стене пещеры, в то время как весь памятник был уже в запустении¹⁸.

Другой важнейший памятник буддизма кушанского времени Фаяз-тепе был раскопан Л.И. Альбаумом¹⁹. Здесь получена большая коллекция скульптуры и настенной живописи. Наряду со знаменитой скульптурой Будды с предстоящими монахами²⁰ не меньшую известность получил фрагмент настенной живописи, изображающий персонаж, над головой которого нанесено бактрийским письмом имя «Фарро». Обычно этот фрагмент рассматривается как пример поклонения местных богов (в частности, иранского бога Фарро) Будде (с. 155). Однако осенью 2004 г. автору данной рецензии довелось общаться с Н. Симс-Уильямсом, который изучал эту надпись в Музее истории Узбекистана в Ташкенте. По его мнению, на упомянутом фрагменте сохранилась лишь часть теоморфного имени, и, следовательно, перед Буддой предстает не сам местный бактрийский бог, а бактриец-донатор. Хочется напомнить, что кушанская иконография Фарро достаточно хорошо известна, в частности по монетам²¹, и она, несомненно, отличается от иконографии персонажа из Фаяз-тепе.

Обращаясь к не менее известному буддийскому памятнику Айртам, Б.А. Литвинский пишет о знаменитом Айртамском фризе. Следует отметить, что по существу именно Айртамский фриз стал отправной точкой для рассмотрения проблемы природы буддийского искусства Бактрии и его соотношения с искусством Гандхары²². Не останавливаясь на деталях полемики по этому вопросу, Б.А. Литвинский так же, как итальянский исследователь Ч. Ло Муцио²³, приходит к выводу, что буддийская скульптура Бактрии была школой буддийского искусства Гандхары (с. 156). Мне кажется, что имело бы смысл расширенно аргументировать это мнение. Тем более, что Б.А. Литвинский любезно познакомил меня со своей неопубликованной статьей по данной проблеме, которая была подготовлена для *Encyclopaedia Iranica*. В ней содержится развернутое рассмотрение вопроса соотношения искусства Бактрии и Гандхары²⁴.

¹⁴ 1997 год указан в рецензируемом издании ошибочно, см. с. 154. Библиографию по памятнику см. *Ставиский. Судьбы буддизма...* С. 23. Прим. 44; основные итоги изучения Кара-тепе за 1961–1994 гг. содержатся в статье Б.Я. Ставиского и Т.К. Мкртычева (*Stavisky B., Mkrtychev T. Qara-Tepe in Old Termez: On the History of the Monument // Bulletin of the Asia Institute. 1996. Vol. 10. P. 219–232*).

¹⁵ *Пиддаев, Като. Археологические работы на Каратепа в Старом Термезе. С. 147–158.*

¹⁶ *Stavisky, Mkrtychev. Qara-Tepe in Old Termez... P. 219–232.*

¹⁷ Б.А. Литвинский приводит датировку Кара-тепе II–VII вв. на с. 166.

¹⁸ *Вертоградова. Индийская эпиграфика из Кара-тепе...* С. 39, 46.

¹⁹ Библиографию по Фаяз-тепе см. *Ставиский. Судьбы буддизма...* С. 44–50. Прим. 24.

²⁰ *Альбаум Л.И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе // Древняя Бактрия. Л., 1974. Рис. на с. 56.*

²¹ См. подборку иконографии Фарро на реверсе кушанских золотых монет: *Tanabe K. King Huvishka and the Emergence of Vaisravana Images in Gandharan Art // Silk Road Art and Archaeology. 1999/2000. 6. P. 119–120.*

²² *Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940. С. 149–158. Следует отметить, что С. Хантингтон, говоря о взаимовлияниях Бактрии и Гандхары, предлагает называть этот регион Бактрийско-Гандхарским (*Huntington S. Ancient India. Buddhist, Hindu, Jain. New York–Tokyo, 1982. P. 109–110*).*

²³ *Lo Muzio C. On the Musicians of the Airtam Capitals // In the Land of Griffon.*

²⁴ *Litvinsky B. Gandharan Art. Iranian Contribution and Iranian Connections // Encyclopaedia Iranica. X (в печати).*

Анализируя другие памятники буддизма в данном регионе, Б.А. Литвинский высказывает критические замечания, касающиеся планировок ряда культовых сооружений (святилище на Зар-тепе, загородный (Дт-1) и городской (Дт-25) храмы на Дальверзин-тепе) и хронологии (Дт-25 на Дальверзин-тепе) (с. 156–157). Так, например, отметив, что планировка Первого буддийского храма (Дт-1), расположенного в пригороде, не сопоставляется ни с одним из известных типов буддийских сооружений, он справедливо задается вопросом: на каком основании авторы раскопок назвали платформой для ступы останец, вокруг части которого раскопаны помещения, содержащие большое количество буддийской скульптуры?²⁵

Помимо Бактрии–Тохаристана буддизм получил распространение и в других среднеазиатских историко-культурных регионах – Согде, Фергане, Семиречье, Уструшане, Мерве (Маргиане). Учитывая наличие региональных и хронологических различий, Б.А. Литвинский рассматривает положение буддийского учения в каждом конкретном историко-культурном регионе. Суммируя свидетельства письменных источников и археологические данные, исследователь реконструирует в целом сложную картину распространения буддизма в Средней Азии (с. 174–185).

Возможно, новые материалы и новые исследователи будут вносить в эту картину определенные коррективы. Уже сейчас появляется возможность по-новому взглянуть и переосмыслить отдельные известные данные. Это касается, в частности, фрагмента бронзовой фигурки льва, найденной на месте предполагаемого буддийского памятника в Саназаре (Согд), который, судя по аналогиям, может датироваться в широком диапазоне III–VI вв.²⁶

Надо сказать, что помимо слов восхищения, возникающих при прочтении этой части главы, у меня появилось и вполне конкретное пожелание. Содержание этой главы в целом следует оценить исключительно высоко. Вместе с тем хотелось бы высказать одно пожелание. В таком полном обобщении, где упомянуто незначительное влияние буддизма на культуру Хорезма (с. 159), возможно, следовало бы как-то оговорить и практически полное отсутствие следов буддизма в Чаче, где, судя по последним материалам, было присуще типичное для Средней Азии религиозное многообразие. Почему же Чач остался в стороне от буддийского учения? Уверен, что у Бориса Анатольевича существует ответ на этот счет.

Второй большой блок вопросов, который часто поднимается при анализе истории среднеазиатского буддизма, касается времени и процесса проникновения буддизма в Китай. Анализируя сказанные точки зрения, Б.А. Литвинский поддерживает предположения Э. Шюрхера и З. Цукamoto о том, что процесс проникновения буддийского учения в Китай мог иметь место уже в середине I в. до н.э. Между тем документальные свидетельства о буддизме в Китае и появление некоторого числа последователей относятся к середине I в. н.э. (с. 149). В этой связи Б.А. Литвинский напоминает, что многие китайские источники в той или иной мере связывают появление в Китае буддизма с юэджями. По мнению исследователя, движение буддийских миссионеров на Восток отражает политические претензии Шуанского государства в Восточном Туркестане.

Китайские источники сообщают, что среди переводчиков буддийского учения на китайский язык было много выходцев из разных регионов Средней Азии, которые своей деятельностью внесли большой вклад в распространение учения (с. 150–151). Среди них, несомненно, знаковой фигурой, споры о которой касаются не только распространения буддизма в Китае, но и судьбы буддизма в Маргиане, был парфянин Ань Шигао. К аргументам, которые приводит Б.А. Литвинский, отвергая его принадлежность правящей в Парфии Аршакидской династии (с. 151, прим. 72), можно добавить и работу А. Форте, относящего происхождение Ань Шигао к индо-парфянам²⁷.

Еще одна тема, тесно связанная с буддизмом, Средней Азией и Китаем, это распространение буддийской пещерной архитектуры. Автор рассматривает возникновение традиции сооружения пещерной буддийской архитектуры с анализа наиболее ранних известных нам примеров – пещерных храмов Западной Индии маурийского времени (Судамы и Ламаса Риши в Барабарских горах Бихара). В последующем развитии пещерной архитектуры привело к возникновению сооружений, которые соединяли в себе монастырскую (*вихара*) и храмовые (*чайтья*) части²⁸. Очевидно,

²⁵ Пугаченкова Г.А., Тургунов Б.А. Буддийское святилище в загородной зоне // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. Рис. 60. С. 90. Позднее Г.А. Пугаченкова очень осторожно предположила, что данный останец мог служить не только основанием для ступы, но и играть роль «платформы ступы» по аналогии с Сурх-Коталом (Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979. С. 62).

²⁶ Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии... С. 160–161.

²⁷ Forte A. The Hostage An Shigao and His Offspring. Kyoto, 1995. P. 69. Not. 13.

²⁸ Кроме литературы, указанной Б.А. Литвинским (с. 164–165), о формировании пещерных буддийских монастырей см. Dhavalikar M.K. The Buddhist Rock-Cut Shrines of Western India // International Encyclopaedia of Buddhism. Vol. 24. New Delhi, 1997. P. 1825–1833.

примерно в первые века нашей эры пещерная архитектура получила распространение в Гандхаре и Бактрии. Отмечая существование множества аналогичных характеристик между буддийскими пещерными памятниками разных регионов, Б.А. Литвинский точно выстраивает линию распространения буддийской пещерной архитектуры: Бактрия – Восточный Туркестан – Северный Китай (с. 162–166).

Как справедливо отмечает Б.А. Литвинский, буддизм был не единственной религией, существовавшей в Средней Азии на протяжении I тыс. н.э. Исследователь приводит многочисленные примеры взаимодействия буддизма с местной разновидностью зороастризма, манихейством, христианством (с. 153, 170–173). Кроме того, в процессе распространения буддизму пришлось иметь дело с разными этносами и различными государствами. Каждый из вышеназванных вопросов, по существу, может стать темой самостоятельных исследований. Поэтому остается только восхищаться, как Б.А. Литвинскому удается не только затронуть основные аспекты всех этих сложнейших тем, но и сделать из них выводы, характеризующие общие процессы в истории буддизма в Средней Азии.

В значительной степени судьбу буддизма в Средней Азии решило арабское завоевание. Но, как справедливо пишет Б.А. Литвинский, появление ислама в конце VII в. не поставило точку в истории буддизма в этом регионе. Целый ряд буддийских памятников продолжал функционировать, а в Семиречье, находившемся вне контроля арабов, в VIII–IX вв. велось строительство новых буддийских сооружений. И несмотря на то что уже примерно к концу IX в. буддизм остается практически без социальной базы и финансовой поддержки, он как комплексный феномен культуры продолжал оказывать влияние на культуру и искусство Средней Азии (с. 185–190). Следы буддийского влияния прослеживаются в системе образования, в архитектуре, в изобразительном искусстве, в теологии раннеисламского времени. Именно этот буддийский вклад способствовал формированию суфизма как неортодоксального направления в исламе.

Подводя итог своей пространной рецензии, с удовольствием могу сказать, что данная книга далеко выходит за рамки простой публикации материалов одного из классических памятников среднеазиатского буддизма – раннесредневекового монастыря Аджина-тепа, – но по сути является краткой энциклопедией по истории буддизма в Средней Азии. Учитывая огромный интерес к среднеазиатскому буддизму и постоянное появление новых исследований по этой теме в мировой науке, следует признать крайнюю актуальность появления данного издания именно на английском языке. Хорошо известно, что недостаточное знание нашими зарубежными коллегами материалов раскопок среднеазиатских памятников советского времени и основных работ наших исследователей, как правило, изданных по-русски, служит причиной многих ошибок, заблуждений и «новых открытий». К сожалению, я понимаю, что данное издание из-за высокой цены, скорее всего, не поступит даже в библиотеки России и останется для нашей страны библиографической редкостью.

Конечно, жаль, что издатели ограничились публикацией иллюстраций только материалов Аджина-тепа, отстранив огромный иллюстративный сравнительный материал, подготовленный соавторами. Жаль, что отсутствует полезный в таких изданиях индекс; что не приведена сводная библиография, которая, как обычно бывает в работах Б.А. Литвинского, может служить библиографическим справочником по десятку разных тем. Однако не будем забывать главное: книга, несмотря ни на что, после долгого лежания на полке и долгой подготовки в издательстве, благодаря помощи итальянских коллег, все-таки вышла в свет, продемонстрировав еще раз высочайший уровень отечественного востоковедения и археологии.

Очевидно, что авторы рецензируемой монографии полностью выполнили стоявшие перед ними огромные задачи. Во-первых, пополнили фактологическую базу по истории буддизма в Средней Азии публикацией великолепного материала. Во-вторых, Б.А. Литвинский в очередной раз дал концептуальное видение процесса распространения буддизма в Средней Азии. В-третьих, он обобщил сведения о взаимоотношениях буддизма с иными конфессиями, существовавшими в этом регионе в I тысячелетии. И наконец, в-четвертых, продемонстрировал влияние буддизма на формирование культуры Средней Азии как в домусульманское время, так и в эпоху ислама.

И немного личного. Знакомство с блестящей монографией Бориса Анатольевича и Тамары Ивановны вызвало у меня ностальгию по среднеазиатской археологии прошлых лет. Впрочем, была и ответная реакция на грустные мысли – чувство ответственности за то, чтобы традиция не прервалась.

Т.К. Мкртычев